

законодательство РФ, является начатая на основе Указа Президента РФ от 6 февраля 1995 г. подготовка к изданию Свода законов Российской Федерации, объединяющего все действующее законодательное регулирование Российской Федерации²³.

²³ См.: Поленина С.В., Колдаева Н.П. О Своде законов Российской Федерации. М., 1997. С. 12–56.

Д.В.Рязанов*

Идеи тираноцида в политической и правовой культуре России XIX — начала XX вв.

XIX столетие, как никакое другое до этого, оказалось благодатным и изобретательным в способах тираноцида. Практическим основанием тираноубийства стали политические традиции античности, примеры европейских революций и завершающаяся эпоха российских дворцовых переворотов, последний из которых 11 марта 1801 г., забрав жизнь Павла I, дал начало новым тенденциям в истории российского радикализма.

Сакральная природа императорской власти требовала от участников заговора некоего обоснования совершаемого ими преступления. И такое объяснение было найдено. По свидетельству графини С. Шуазель-Гуфье, заговорщики оправдывали свои действия «благодарностью отечества, освободителями которого ... почитали себя»¹. Объявив императора *тираном*, узурпатором власти и нарушителем закона, участники заговора себя провозглашали героями, восстанавливающими в отечестве законность и порядок. Несмотря на то, что цареубийство прошло далеко не по тираноборческим канонам², его вожаки — граф Пален и братья Зубовы — с первых дней взяли под свой контроль стихийно распространявшиеся в обществе рассказы и слухи о произошедшем событии. Стремясь представить участников в наивыгоднейшем свете, они всячески потворствовали любым домыслам, способным сформировать положительное к ним отношение. Результатом целенаправленных действий стала «подмена» реального события некой коллективной версией происшествия, позволившей сформировать у современников иное, уже тираноборческое, толкование проис-

* Доцент кафедры истории и философии Саратовского юридического института МВД России, кандидат исторических наук.

¹ Шуазель-Гуфье С. Исторические мемуары об императоре Александре I и его дворе. М., 1999. С. 250.

² Его исполнители не разделили участь своей жертвы (как того требовали канонические правила тираноборчества), наоборот, «в течение первых дней... открыто хвастались содеянным злодеянием, наперерыв выставляя свои заслуги в этом кровавом деле, выдвигаясь друг перед другом на первый план». (См.: Чарторыйский А. Записки // Цареубийство 11 марта 1801 г. Записки участников и современников. СПб., 1907. С. 213).

шедшего, нашедшее свое дальнейшее развитие в литературе начала царствования Александра I³.

Социально-политические противоречия александровского царствования создали условия, способствовавшие новому возвращению идей тираницида из литературной сферы в сферу политическую. Их востребованность в среде носителей дворянской культуры конца XVIII — начала XIX вв. была подготовлена новой волной увлечения античностью, заполнившей национальную культуру накануне наполеоновских войн, взлетом патриотических чувств, охвативших в тот момент российское общество. Исследователи эпохи близки в оценках, утверждая, что Отечественная война 1812 г. «дала целому поколению русской дворянской молодежи тот жизненный опыт, который привел мечтательных патриотов начала XIX века на Сенатскую площадь»⁴.

По справедливому замечанию петербургского историка В.В. Лапина, «в условиях патриотического подъема, который царил в России с 1805 года и достиг наивысшей точки в 1812-м, в армию пришло много людей, в другое время никогда бы не надевших военный мундир. <...> Этим людям по условиям образования и воспитания были чужды казарменная замкнутость, сведение кругозора к границам плаца и стрельбища. <...> В войсках происходила своеобразная интеллектуальная агитация»⁵. Без этого процесса нельзя представить ни восстание декабристов, ни произошедшую пятью годами ранее семеновскую историю.

Образование первых тайных обществ способствовало актуализации вопроса о переустройстве государственной системы на новых принципах социальной справедливости, уже известных Европе, но не выполнимых в условиях неограниченного абсолютизма России.

Сознательный отказ от привлечения народа, продиктованный страхом повторения «ужасов» Французской революции и отсутствием в политической традиции страны примеров позитивной народной активности, подводил будущих декабристов к идее захвата власти путем заговора. В такой ситуации возникала необходимость решения судьбы монарха и членов августейшей фамилии.

Уже в 1817 г., во время Московского совещания, члены Союза благоденствия высказали идею о необходимости цареубийства для будущего демократического переустройства России⁶. С этого момента и вплоть до финального выступления декабристы не раз возвращались к своим планам⁷.

³ Подробнее об этом см.: *Артамонов Д.С.* Тираноборческие и террористические идеи в русской политической культуре первой четверти XIX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2006. С. 14.

⁴ *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб., 1996. С. 314.

⁵ *Лапин В.В.* Семеновская история. Л., 1991. С. 66–67.

⁶ См.: *Мироненко С.В.* «Московский заговор» 1817 г. и проблема формирования декабристской идеологии // *Революционеры и либералы в России.* М., 1990. С. 239–240.

⁷ В разное время убить императора вызывались: М.С. Лунин, Н.М. Муравьев, И.Д. Якушкин, Ф.П. Шаховский, А.З. Муравьев, Ф.Ф. Вадковский, П.Г. Каховский, А.И. Якубович и др. Из них, по крайней мере, трое — А.З. Муравьев, П.Г. Каховский и А.М. Булатов — предпринимали реальные попытки совершить цареубийство.

Доступность императора, нередко прогуливавшегося по столице практически без охраны, давала возможность для организации идеального покушения⁸. Способы предлагались разные: нападение на Царско-Сельской дороге группой решительных людей в масках (М.С. Лунин)⁹, духовое ружье (П.И. Пестель)¹⁰, уничтожение всей августейшей фамилии специальным отрядом убийц «une cohorte perdue»¹¹ (П.И. Пестель, Ф.Ф. Вадковский, М.П. Бестужев-Рюмин)¹², наконец, более соответствующий офицерам способ — пистолеты (И.Д. Якушкин, П.Г. Каховский)¹³.

Знал ли император о планах заговорщиков? Знал, но проявил удивительную беспечность, так и не дав распоряжения об их арестах. Возможно, прав исследователь Д.С. Артамонов, считающий, что Александр I воспринимал декабристские организации частью всеевропейского революционного общества, мести со стороны которого он весьма опасался¹⁴. По-видимому, он считал эти планы пустопорожними слухами, своеобразным ребячеством и, видя в участниках тайного общества своих единомышленников начала царствования, игнорировал тревожные известия. Во всяком случае брошенная им при разговоре с адъютантом двусмысленная фраза «Не мне их судить» до сих пор вызывает научные споры.

Новый ренессанс идей тираноубийства происходит спустя 37 лет. Это время потребовалось на воскрешение тираноборческого духа в разгромленном после провала выступления декабристов революционном движении. Неудавшийся «мятеж реформаторов», разрушив надежды на политическое переустройство общества, позволил сохранить в неизменности правление, метко названное мадам де Сталь «en Russie le gouvernement est un despotisme mitige' la strangulation» («Правление в России есть самовластье, ограниченное удавкой»)¹⁵.

Причин для подобной политики у Николая I, консерватора до мозга костей, было вполне достаточно. «Возникновение и довольно продолжительное существование тайного союза, — писал А.Х. Бенкендорфу первый управляющий III отделением М.Я. фон Фок, — о котором правительство долго имело лишь смутные подозрения, ясно показало, в каком отчуждении от общества стояли правительственные сферы. Подавив мятеж, правительство увидело перед собою важную задачу: устранить на будущее время всякую возможность подобного явления и заручиться такими сред-

⁸ Офицер кавалергардского полка Ф.Ф. Вадковский писал, что «Государь император так безопасно изволит прогуливаться по Каменному острову, что жизнь его ни минуты не обеспечена, и что можно посягнуть на оную, не подвергая себя опасности быть открыту...» (Восстание декабристов. Документы и материалы: В XX т. М.; Л., 1925–2001. Т. XI. С. 221).

⁹ См.: Восстание декабристов. Документы и материалы. Т. IV. С. 179.

¹⁰ См.: Там же. Т. XI. С. 360.

¹¹ Лат. «Обреченных отряд» — выражение П.И. Пестеля.

¹² См.: Восстание декабристов. Документы и материалы. Т. XI. С. 221.

¹³ См.: Якушкин И.Д. Записки, статьи, письма декабриста. М., 1951. С. 18. Ср.: Восстание декабристов. Документы и материалы. Т. I. С. 186, 306–307; Т. III. С. 52.

¹⁴ См.: Артамонов Д.С. Указ. соч. С. 17.

¹⁵ Пушкин А.С. Заметки по русской истории XVIII в. // Полн. собр. соч.: В 19 т. М., 1996. Т. XI. С. 17.

ствами, чтобы всегда быть в состоянии задушить в самом зародыше умысел врагов существующего порядка...»¹⁶

Новое царствование, особенно в период с 1848 по 1855 гг., стало временем, в сравнении с которым предшествующие десятилетия казались гуманными. «Положение наше, — писал современник, известный историк Т.Н. Грановский, — становится нетерпимее день ото дня. Всякое движение на Западе отзывается у нас стеснительною мерой. Доносы идут тысячами. Обо мне в течение трех месяцев два раза наводили справки. Но что значит личная опасность в сравнении с общим страданием и гнетом»¹⁷.

В условиях отсутствия реальной оппозиции главным рассадником вольномыслия были признаны университеты. В числе дисциплин, на которые попечители учебных округов по приказанию министра просвещения графа С.С. Уварова должны были обращать особое внимание, оказались философия, история, государственное право и ряд других гуманитарных наук. В 1849 г. было приостановлено преподавание государственного права европейских стран; в 1851 г. был «положен конец обольстительным мудростворениям философии», от которой остались только логика и психология, да и то преподаваемые профессорами богословия¹⁸. «Николай на этот раз решился бесповоротно покончить со всяким умственным движением в России, — писал в те годы Герцен, — и он вступил в открытую беспощадную борьбу с мыслью, словом, знанием»¹⁹.

Такое положение не могло не отразиться на общественных настроениях. Ответом насаждаемому правительством курсу стало нарастающее недовольство, глухой протест образованной молодежи, постепенно подходящей к осознанию необходимости открытой политической борьбы.

Восшествие на престол Александра II и начало подготовки реформ 1860-х гг. только отсрочило момент взрыва. Несмотря на впечатляющий охват реформ преобразования не затронули основ государственной системы, оставив в неизменном виде существующие политические институты. Тем самым была сведена на нет общественная значимость всего реформаторского процесса в России.

Сохранившееся правовое бесправие народа перед лицом неограниченной в проявлении деспотизма власти поставило перед либеральной частью интеллигенции задачу поиска адекватной модели сосуществования государства и общества.

«Назначение интеллигенции, — отмечал выдающийся русский историк В.О. Ключевский, — понимать окружающее, действительность, свое положение и положение своего народа»²⁰. Рассматривая знание как универсальное благо, интеллигенция неизбежно была вынуждена затронуть вопрос просвещения, а через него — и идею общественного блага. В ходе поиска и формулирования ответов открывающаяся «проза жизни» поневоле ставила ее в вынужденную оппозицию к существующему политико-экономическому строю, направляя деятельность в сторону оппозиции, кружковой работы и мировоззренческого радикализма.

¹⁶ Петербургское общество при восшествии на престол императора Николая I // Русская старина. 1881. Т. 32. С. 166–167.

¹⁷ Цит. по: *Ветринский Ч.* Т.Н. Грановский и его время. М., 1897. С. 265.

¹⁸ См.: *Скрипилев Е.А.* О юридическом образовании в дореволюционной России (XVIII — начало XX вв.) // Государство и право. 2000. № 9. С. 82.

¹⁹ *Герцен А.И.* Былое и думы // Полн. собр. соч.: В 30 т. М., 1956. Т. 8. С. 191.

²⁰ *Ключевский В.О.* Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 298.

Весной 1862 г. студентом Московского университета Петром Зайчневским в камере полицейской части г. Твери была вновь реанимирована идея цареубийства. «Скоро, скоро наступит день, — писал он в одночасье ставшей знаменитой прокламации «Молодая Россия», — когда мы распустим великое знамя будущего, знамя красное и с громким криком “Да здравствует социальная и демократическая республика русская!” двинемся на Зимний дворец истреблять живущих там. Может случиться, что все дело кончится одним истреблением императорской фамилии, т.е. какой-нибудь сотни, другой людей...»²¹

Появление прокламации, наделавшей много шума в прессе и обществе, знаменовало не только возрождение идей тираноубийства, но восприятие их новой частью русского образованного общества — разночинской интеллигенцией. Безусловно, наиболее образованная ее часть сохраняла традиционную культурную функцию — трансляцию культурного наследия, однако иная ее часть использовала прежние связи не для созидания, а для разрушения. Эта «новая» деятельность не требовала профессиональной эрудированности, высокоинтеллектуальной работы мысли. Она предполагала вдумчивый «разбор» реалий российской действительности, как правило, дополняемый систематическим чтением «обязательной» для каждого просвещенного человека литературы²². В результате происходил *отбор* «истинных» знаний, подкрепляемых авторитетным мнением «властителей дум» молодежи, поскольку российская действительность со всей очевидностью выдвигала литературу на передовые рубежи политики²³, формируя у семидесятников в XIX в. «стремление к общественной деятельности»²⁴.

«Полагаю, — вспоминал народник Н.А. Чарушин в письме к В.Н. Фигнер, — что в числе многих других влияний на духовное и революционное развитие, как лично мое, так и моих товарищей по работе и наше поколение вообще, несомненно, было, *хотя и не прямое* (выделено мной. — Д.Р.), и влияние декабристов, пленявших нас широтой по тому времени замысла, смелостью выступления, мужеством и стойкостью в несчастье. Непосредственным же и ближайшим толкачом в этом направлении для нас, вне всякого сомнения, были текущая литература и непроглядная русская действительность. В зависимости от этого и наши установки, и ближайшие задачи были совсем другие...»²⁵

Сочетая в себе любовь к народу с чувством вины за свое высокое положение в обществе, интеллигенция обращается к террористической тактике как к способу вызова правительства на политический диалог. «Прежде, чем начать кровавую борьбу, — утверждал в своих показаниях

²¹ Цит. по: Утопический социализм в России. М., 1985. С. 333–334.

²² См.: Колесникова Л.А. Мемуары революционеров 1870-х годов об идейно-психологическом воздействии на них литературы // Вопросы истории. 2005. № 5. С. 98–100.

²³ «Раз правительство запрещает известные книги, значит, их следует читать, догадывались мы. Так список запрещенных книг превратился у нас в свою противоположность — в список рекомендуемых книг...» Шестернин С.П. Пережитое. Из истории рабочего и революционного движения. 1880–1900. Иваново, 1940. С. 17–18.

²⁴ Колесникова Л.А. Указ. соч. С. 97.

²⁵ РГАЛИ, ф. 1185, оп. 1, д. 817, л. 27.

народоволец А.Д. Михайлов, — социалисты испробовали все средства, какими пользуются на Западе политические партии. Но за проповедь их карали каторгой, за книги — тюрьмой и ссылкой... забывая, что когда человеку зажимают рот, то этим самым развязывают руки»²⁶.

Те же рассуждения мы находим в выступлении на процессе «17-ти» другого члена Исполнительного комитета партии «Народная воля» М.Ф. Грачевского, который объяснил обстоятельства, вынудившие его встать на путь террора, так: «При настоящем отношении государственной власти к народу и обществу... я не только считаю себя вправе защищаться с оружием в руках при нападении на меня правительственных агентов, я считаю даже нравственно обязательным для себя защищать точно так же и других от их произвола»²⁷.

Неожиданно жесткие меры, обрушенные властями на рядовых просветителей и пропагандистов, вызвали в демократической среде вначале недоумение, а затем и озлобление. В условиях, когда за простое хранение нелегальной литературы выносился приговор, сопоставимый по тяжести с предумышленным убийством²⁸, понятие тираноборчества получает более широкое толкование, подразумевая не только августейшую особу монарха, но и наиболее одиозных адептов его воли²⁹.

На страницах нелегальных изданий, во время судебных процессов, на которых судились народники, а затем и члены партии «Народной воли» (1879–1883 гг.), постоянно подчеркивался факт *вынужденности* террористической борьбы, его *временный, проходящий характер*³⁰.

«Всякое вооруженное действие против правительства и его агентов, — заявлял М.Ф. Грачевский, — я считал бы для себя безусловно преступным при существовании в России свободно избранного законного представительства, действительной, а не фиктивной гласности, независимости суда, свободы слова, веротерпимости и личной неприкосновенности граждан...»³¹

Неизбежность перехода к террористическим действиям как новому тактическому направлению в борьбе с тиранией объяснялась в пропагандистской литературе того времени неудачей «оседлой» пропаганды, невосполнимостью потерь и, главное, неадекватной жестокостью правительственных репрессий³². В условиях, когда «для борьбы с правительством и

²⁶ Прибылева-Корба А.П., Фигнер В.Н. Народоволец А.Д. Михайлов. Л.; М., 1925. С. 157.

²⁷ Волк С.С. Программные документы «Народной воли» // Красный архив. 1924. Т. 5. С. 156.

²⁸ Предумышленное убийство без отягчающих вину обстоятельств каралось каторгой от 8 до 12 лет // Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1892. Ст. 1455.

²⁹ Подобная трансформация суть изменения самой идеи тираноборчества, произошедшая в конце XVIII — начале XIX вв. в Европе, а затем и в России. Подробнее об этом см.: Одесский М.П., Фельдман Д.М. Поэтика террора. М., 1997. С. 102–109; Фельдман Д.М. Идея царевубийства у декабристов // Освободительное движение в России: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 19. Саратов, 2001. С. 110–111.

³⁰ Подробнее об этом см.: Троицкий Н.А. Народная воля перед царским судом. Саратов, 1983. С. 129–130.

³¹ Речи подсудимых на процессе «17-ти» // Былое. 1906. № 12. С. 240.

³² На это, как на одну из главных причин радикализации настроений молодежи, указывали еще в 60-х гг. некоторые из представителей «старой» политической

организации протестов крестьянства было слишком мало людей и средств»³³, террористические акции против тирании существующего строя в силу их внешней эффектности становились все более притягательными. По словам В.Н. Фигнер, «громкие, блестящие схватки с правительством волновали воображение молодежи и отвлекали ее от малозаметной работы среди крестьян...»³⁴

Это суждение важно для понимания мировоззренческой метаморфозы интеллигенции 1870-х гг. Как известно, максимализм — спутник молодости, когда часто не хватает терпения ждать результатов, когда хочется видеть зримые успехи уже сегодня, сейчас. Этого, как казалось многим, можно было достигнуть, встав на путь вооруженной борьбы с самодержавием, сменив книгу на револьвер и бомбу. В этих условиях толерантность становилась мировоззренческим атавизмом.

26 августа 1879 г. Александр II был приговорен членами Исполнительного комитета партии «Народная воля» к смертной казни. В появившейся в 1880 г. брошюре одного из самых последовательных сторонников террористической тактики действия Н.А. Морозова «Террористическая борьба» задачи, стоящие перед революционерами в этой области, формулировались так: «1. Они (революционеры. — Д.Р.) должны разъяснить теоретически идею террористической борьбы...

2. Террористическая партия должна на практике доказать пригодность средств, которые она употребляет для своей цели. Системой последовательного террора, неумолимо карающего правительство за каждое насилие над свободой, она должна добиться окончательной его дезорганизации, деморализации, ослабления»³⁵.

О.В. Будницким было верно замечено, что персонификация ответственности за судьбу страны на фигуру царя ошибочно вызвала у радикально настроенной интеллигенции соблазн одним ударом разрушить могущество власти, достигнуть малой кровью заветной справедливой цели³⁶. Сосредоточив свои действия против наиболее одиозных правительственных фигур, революционеры тем самым сужали круг потенциальных жертв с десятков тысяч до нескольких десятков — главного тирана и нескольких его приспешников. Это позволяло, отказавшись от малоперспективной агитационной работы, максимально приблизить срок развязки, подтолкнув спящего мужика к великой социальной революции, а правительство — к уступкам. Выбор сановников, прославившихся своими реакционными действиями и, следовательно, не могущих внушить обществу чувство сострадания, создавал необходимое поле для маневра, возможность моральной апелляции к общественному мнению. «Так как мы... имели сообщников не только по губернским городам, но и по провинциальным закоулкам, — пи-

эмиграции. См.: Рудницкая Е.Л. Русская революционная мысль: демократическая печать. 1864–1873. М., 1984. С. 46.

³³ Попов М.Р. «Земля и воля» накануне Воронежского съезда // Былое. 1906. № 8. С. 21–22.

³⁴ Фигнер В.Н. Запечатленный труд: В 2 т. М., 1932. Т. 1. Ч. 1. С. 144.

³⁵ Цит. по: История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях // Авт.-сост. О.В. Будницкий. Ростов на/Д., 1996. С. 107.

³⁶ Там же. С. 6.

сала В.Н. Фигнер, — (и все эти сообщники имели друзей и близких) и были окружены целым слоем так называемых сочувствующих, за которыми обыкновенно следуют еще люди, любящие просто полиберальничать, то и выходило, в конце концов, что мы встречали повсюду одобрение и нигде не находили нравственного отпора и противодействия»³⁷.

Этот прием использовала партия «Народная воля» во время своего противоборства с царизмом, в дальнейшем его успешно применил духовный преемник народовольцев — партия социалистов-революционеров.

Здесь необходимо отметить, что «подобная нравственная мотивация может быть устойчивой лишь при явно выраженной отчужденности от власти значительной части общества (а не только интеллигенции. — *Д.Р.*), которая не только считает действия террористов морально оправданными, но и приветствует их, поддерживает материально»³⁸.

Безусловно, царствование Александра II не стало реформаторской идиллией, как не стало таковым ни одно правление в истории дома Романовых. Вынужденное решать массу накопленных предшественниками проблем правительство шарахалось из стороны в сторону, придавая реформаторскому процессу модернизационную импульсивность и непоследовательность. Рост преступности (в 2,7 раза по сравнению с царствованием Николая I)³⁹, государственного долга (в 3 раза), двойственность судебной системы, позволявшей как оправдывать террористов (процесс В. Засулич 1878 г.), так и раскручивать механизм не обоснованных по своей жестокости репрессий (процессы «193-х», «50-ти» и др.)⁴⁰. Все это говорит о внутренней противоречивости проходивших изменений, в условиях которых всплеск революционного радикализма стал вполне объяснимой реакцией разочарования и протеста на совершенно конкретные правительственные промахи.

Действительно, следует признать, что позиция террориста легко уязвима, поскольку социально деструктивна, юридически неправомерна, психологически самоубийственна⁴¹. Это признавалось и современниками, не ставившими при этом под сомнение чистоту помыслов нескольких поколений интеллигенции, представители которой жертвовали собой во имя борьбы с тиранией. Возможно, если бы Александр III отказался от смертной казни в отношении убийц своего отца, он смог бы морально разоружить революционеров, повлияв на общественное мнение и в Европе, и в

³⁷ Фигнер В.Н. Запечатленный труд. Т. 1. Ч. 2. С. 38.

³⁸ Леонов М.И. Террор и русское общество (начало XX века) // Индивидуальный политический террор в России. XIX — начало XX в.: Материалы конференции. М., 1996. С. 33.

³⁹ См.: Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: В 2 т. СПб., 2000. Т. 1. С. 84.

⁴⁰ Корреспондент «Таймс», присутствовавший на процессе «193-х», выразил свое недоумение так: «Я присутствую здесь вот уже два дня и слышу пока только, что один прочитал Лассалья, другой вез с собой в вагоне “Капитал” Маркса, третий просто передал какую-то книгу своему товарищу» // Прокофьев В.А. Желябов. М., 1965. С. 93.

⁴¹ См.: Терроризм: психологические корни и правовые оценки (круглый стол) // Государство и право. 1995. № 4. С. 21.

России. Однако этого сделано не было, что позволило сохранить позитивное восприятие образа террористов в различных слоях российского общества вплоть до начала XX в., несмотря на появление в их рядах психически неуравновешенных авантюристов и откровенно уголовных элементов. На это указывает положительный общественный резонанс на убийства министра просвещения Н.П. Боголепова, министров внутренних дел Д.С. Сипягина и В.К. Плеве, великого князя Сергея Александровича, преувозшедшие самые «радужные» прогнозы эсеров.

Столь эффективным возрождением терроризм был обязан прежде всего эсерам, из среды которых выдвинулся ряд талантливых организаторов (Г.А. Гершуни, Е.Ф. Азеф, Б.В. Савинков) и самоотверженных исполнителей (Е.С. Сазонов, И.П. Каляев), сумевших возвести эту форму борьбы в ранг суда героев-подвижников над «царствующим злом»⁴².

Только с началом революции 1905–1907 гг. отношение к терроризму в обществе резко меняется. Это происходит вслед за его массовизацией, проходившей на фоне нарастающих правительственных репрессий. Американская писательница А. Гейфман справедливо отметила, что в тот момент на газетных полосах вместо подробных отчетов об осуществленных героями-интеллигентами террористических акциях против тиранов появляются специальные разделы, учитывающие статистику насилия государства и революционеров «белого» и «красного» террора⁴³. Это был важный признак разрастания насилия, означавший «исчезновение самого феномена *нормы* как такового»⁴⁴.

Революционная интеллигенция утрачивала вместе с контролем над террором и моральную санкцию общества. Насилие становилось массовым, создавая условия, при которых «... люди от убийства для идеи переходили к краже денег для облегчения идейного убийства... сама кража денег тоже сопровождалась убийством почтальонов, кондукторов, артельщиков, кассиров и т.п. <...> постепенно кражи и убийства при них и ради них из “эксов” для идеи превратились в “эксы” для себя. Во всем этом процессе падения со ступеньки на ступеньку разум не мог поставить никакой задерживающей силы...»⁴⁵.

Если при этом вспомнить, что список добровольных жертвователей на революционный террор в то время охватывал богатейшие фамилии империи, а в числе пособников террористов были как высокопоставленные чиновники, так и родственники жертв — становится понятным, что отчуждением от нравственных и правовых основ страдала не просто кучка революционеров, но и значительная часть русского общества.

Многочисленные списки «рядовых» жертв среди государственных служащих лучше всего свидетельствовали о вырождении идеи тираницида в уголовную вакханалию массового террора. От него страдало и ни в чем

⁴² См.: *Городницкий Р.А.* Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901–1911 гг. М., 1998. С. 237–238.

⁴³ См.: *Гейфман А.* Революционный террор в России 1894–1917 гг. М., 1997. С. 33–34.

⁴⁴ *Могильнер М.* Указ. соч. С. 75.

⁴⁵ *Изгоев А.С.* На перевале. Преодоление террора // *Русская мысль*. 1913. Кн. 1. С. 112–113.

неповинное мирное население, от лица которого и во имя которого якобы действовали народные мстители⁴⁶. В этом заключалось «своеобразие» момента, подмеченное некоторыми современниками событий. «Оппозиция против правительства, — записал в своем дневнике В.О. Ключевский, — постепенно превратилась в заговор против общества. Этим дело русской свободы было передано из рук либералов в руки хулиганов»⁴⁷.

⁴⁶ По подсчетам А. Гейфман только от террористических акций, осуществленных партией эсеров в России, с 1901 по 1911 гг. пострадали 17 тыс. чел., из которых только в 1905–1907 гг. террористами было убито и ранено 4500 государственных служащих различного уровня. При этом мирных обывателей было убито 2180 и ранено 2530 человек. *Geifman Anna. Thou Shalt Kill // Revolutionary Terrorism in Russia, 1894–1917. Princeton Univ. Press, 1993. P. 21.*

⁴⁷ *Ключевский В.О. Собр. соч.: В 9 т. М., 1990. Т. 9. С. 355.*